

УДК 821.161.1

Е. Я. Курганов

Париж, Франция

О ПОСЛЕДНЕЙ СТРОКЕ ПУШКИНСКОГО «ПАМЯТНИКА»: А. С. ПУШКИН И ЦАРЬ СОЛОМОН

Статья посвящена обоснованию гипотезы автора об источнике последних строк стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Сюжет о споре с глупцом восходит к Книге Притч царя Соломона и к Талмуду. Последняя строка «Памятника» окрашивает весь текст стихотворения неожиданными смыслами и определяет поворот от античности к новому культурному ориентиру, к иудейской литературе Премудрости, одним из ярчайших выражений которой является Книга Притч царя Соломона.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, иудаизм, Книга Притч царя Соломона, Пушкин, русская поэзия, Талмуд.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836), поэтическое завещание А. С. Пушкина, завершается итоговой формулой: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца» [1, с. 340].

Академик М. П. Алексеев в монографии «Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”», отказавшись от толкования и комментирования финала, приводит для контекста цитаты из стихотворений Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева [2, с. 215]. «По его (Карамзина. – Е. К.) мнению, вражда к поэту невежды и глупца должна быть скорее радостной для него, чем губительной: “Везде, во всех странах вы чтимы, / Душами добрыми любимы. / Блеск нашей славы умножает / Вражда невежды и глупца”» [2, с. 215]. У Пушкина, однако, речь идет не о вражде с невеждой и глупцом или о ее полезности для славы: он говорит о полном отказе от споров с глупцом. Далее М. П. Алексеев приводит две строки из «Подражания Горацию» И. И. Дмитриева: «...равнодушие к суждению / Толпы зоилов и глупцов» [2, с. 215]. К этим двум строчкам М. П. Алексеев делает примечание, в котором вскользь обсуждает заключительные слова пушкинского «Памятника», выводя их из «Альбома Онегина». При этом он пишет, что Пушкин объявил слова «не спорь с глупцом» мыслью Корана: «Напомним, что последний стих “Памятника” (“И не оспаривай глупца”) обычно сопоставляют со строкой из “Альбома

Курганов Ефим Яковлевич – доктор философии, доцент русской литературы Хельсинкского университета (20, rue du Commandant Mouchotte, 94160, St. Mandé, Paris, France, abulafia@list.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 75–86.

© Е. Я. Курганов, 2016

Онегина», которую Пушкин объявляет мыслью Корана («Чти правду и не спорь с глупцом...») [2, с. 215].

Упомянув в самом финале стихотворения не дурака, но глупца, поэт, как представляется, опирался вовсе не на русскую национальную традицию. А на какую же именно? Вот об этом сейчас и пойдет разговор.

Как давно уже установлено, А. С. Пушкин в своем стихотворении-завещании в первую очередь опирался на два поэтических «Памятника» – оды Горация и Державина. Но обращение к этим текстам мало проясняет финальные строчки пушкинского стихотворения. У пушкинской формулы «Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца» был совершенно особый источник, ни к Горацию, ни к Державину, кажется, никакого отношения не имевший.

Знаменитая пушкинская формула, венчающая завещание поэта, не могла не привлечь внимание исследователей. Но они при этом, как правило, ограничивались одной отсылкой, которая не уточняла, не столько разъясняла, сколько уводила от проблемы.

Л. В. Пумпянский еще в 1923 году в работе «Об оде А. Пушкина “Памятник”» (правда, этот текст впервые был опубликован лишь в 1977 году) дал такой комментарий: «Ст. 4 (“И не оспаривай глупца”). Предусмотрен альбомом Онегина. О праведный Боже, “Памятник” заканчивается цитатой из альбома Онегина» [3, с. 209].

Иными словами, Пумпянский вместо того, чтобы объяснить происхождение финала, сослался на самого Пушкина, показав (и это важно), что поэт еще ранее облюбовал строчку «И не оспаривай глупца». Ни смысл, ни генезис финальной строчки «Памятника» Пумпянским вообще не были обозначены. Исследователь остановился на том, что показал: появление в поэтическом завещании Пушкина слов «И не оспаривай глупца» отнюдь не случайно.

Полностью по следам Пумпянского пошел и Ю. М. Лотман. В 1983 году он в своем комментарии к «Евгению Онегину» писал: «Тексты альбома Онегина близки к ряду непосредственных высказываний Пушкина и имеют лирический характер. Ср.: “...и не спорь с глупцом” = “И не оспаривай глупца” (“Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”)» [4, с. 216].

Между тем это отнюдь не было «непосредственным высказыванием Пушкина»: поэт явно опирался на один из важнейших источников человеческой культуры – Библию, на Притчи царя Соломона.

Если Ю. М. Лотман, без всякого сомнения, знаком был с работой Л. В. Пумпянского (хоть и не сослался на нее), то В. В. Набоков независимо от Пумпянского в 1964 году выпустил свой комментарий к «Евгению Онегину», где сделал аналогичное наблюдение. Более того, писатель не ограничился ссылкой на слова «не спорь с глупцом» из альбома Онегина, но дал толкование: «А последний стих, хоть и обращенный якобы к критикам, лукаво напоминает, что о своем бессмертии объявляют лишь одни глупцы!» [5, с. 277].

Объяснение сделано, но оно представляется совершенно фантастическим. Набоков, надо признать, тут явно ошибся.

Таким образом, вопрос об источнике последней строки пушкинского «Памятника» не только не решен, но так до сих пор и не поставлен.

Завершая свое поэтическое завещание, Пушкин отнюдь не иронизировал и не лукавил, а утверждал свое творческое кредо, обращаясь при этом к Священному Писанию, а именно к Притчам царя Соломона, которые как раз и содержат ключ к финальной строчке «Памятника».

Интересно, что Б. М. Гаспаров 5 февраля 2013 года прочел в Высшей школе экономики лекцию «Пушкин. Трудности интерпретации», и в ней он особо остановился на образе глупца в последней строчке пушкинского «Памятника». Лекция

содержала немало интересных ассоциаций и параллелей, но «Притчи царя Соломона» – ключ к последней строке пушкинского «Памятника» – остались не упомянутыми: «В стихотворении “Я памятник себе воздвиг нерукотворный” следует обратить внимание на образ “глупца” в последней строфе. “Лично у меня сразу возникает ассоциация с величественной статуей Командора из произведения “Каменный гость”, – сказал Борис Гаспаров. – Мотив оживающей статуи проходит через все творчество Пушкина и это всегда противостояние сверхъестественной, мощной силы, которую олицетворяет статуя, и предприимчивого героя»¹.

Далее исследователь разворачивает все творчество Пушкина как процесс единоразовости со статуей и завершает свое рассуждение упоминанием о «Памятнике», подключая и образ *глупца*: «По мнению Бориса Гаспарова, у этого мотива (оживающей статуи. – Е. К.) существует три стадии развития. В раннем творчестве Пушкина молодой герой побеждает неведомую силу и спасает красавицу (“Руслан и Людмила”, “Гавриилиада”). Позднее образ статуи приобретает более зловещие черты, она волшебным образом оживает, ниспровергает соперника, утверждая свою власть (“Медный всадник”, финал “Евгения Онегина”, в котором появление мужа Татьяны возвещается звоном шпор). Третий этап развития образа зафиксирован в стихотворении “Французских рифмачей суровый судия...”, обращенном к Никола Буало (Депрео). В нем классик Депрео ниспровергал глупца, утверждая свою власть, но в конце “глупцы” растрепали его парик, выставив Депрео в комическом свете. “То же самое мы видим в стихотворении “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” – отметил Гаспаров. – Приходит глупец и заставляет статую потерять равновесие...”².

В «Памятнике», однако, *глупец* не приходит вовсе. Пушкин прямо утверждает отказ от любого спора с глупцом, призывает игнорировать его; «приговоров» глупца для него как бы не существует.

Прежде чем обратиться к «Притчам царя Соломона», необходимо дать небольшую справку о Талмуде – своде текстов, который был записан во II–V веках христианской эры.

Талмуд есть грандиозное и уникальное собрание бесед ученых мужей, в которых были охвачены буквально все сферы человеческого бытия. Если в «Диалогах» Платона дискуссии философов в основном были сочинены самим автором, то талмудические дискуссии, как можно предположить, есть совершенно реальные дискуссии, и все неисчислимые рассуждения и комментарии в Талмуде тщательно документированы с указанием, кому именно они принадлежат.

И через все трактаты этой первой в истории человечества коллекции академических бесед проходит единая и цельная концепция *мудреца (ученого)*.

В Талмуде мудрец изначально противопоставлен *глупцу*. Это слово в переводе значит «недовершенный, не доделанный до конца». *Глупец* в Талмуде – это, прежде всего, не столько отстающая в своем умственном развитии личность, сколько ущербная этико-психологически; это человек, целиком «сосредоточенный на своем “я”, с болезненной потребностью в самоутверждении» [6, с. 134].

Согласно Талмуду, *глупец* – это тот, кто занят исключительно самим собой, и он «будет продолжать говорить даже в присутствии тех, кто умнее. Он считает нормальным перебивать других, дает ответы мгновенно, ведь важно произвести впечатление, что он владеет всеми знаниями мира...» [6, с. 135].

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Новости. Пушкин: трудности интерпретации. URL: <https://www.hse.ru/news/recent/73947006.html> (дата обращения 29.03.2016).

² Там же.

И еще: *глупец* – это тот, кто пренебрегает заветом рабби Гиллеля-старшего, сказавшего:

Тот, кто стремится заработать громкое имя, губит свое, тот, кто не умножает свои знания, теряет те, что уже есть, тот, кто не учится, заслуживает смерти, а тот, кто пользуется короной Торы в корыстных целях, погибает [6, с. 26].

Истинный герой и главный персонаж Талмуда – *ученый (мудрец)*, человек многознающий и многомыслящий, буквально погруженный в изучение Торы, а антигерой Талмуда – *глупец*, озабоченный лишь самоутверждением, и для него Тора есть никак не цель, а всего лишь средство.

Мудрец всецело погружен в изучение; *глупец* же, и изучая, думает лишь о себе, будучи озабочен лишь своей репутацией как знатока Закона, думает о личной славе, о личных выгодах, погружен в себя, а не в изучение.

Так выстраивается в Талмуде пара *Мудрец / Глупец*.

Весьма выразительное и показательное сопоставление *мудреца с глупцом*, следовано в талмудическом трактате «Бава меция» (л. 83Б):

Сказал рабби Хама:

– В чем смысл написанного: «В сердце разумного мудрость находит покой, а среди глупых – заявляет о себе» (Притчи царя Соломона 14: 33)? «В сердце разумного мудрость находит покой» – это о знатоке Торы, сыне знатока Торы. «А среди глупых – заявляет о себе» – это о знатоке Торы, сыне невежды.

Сказал Улла:

– Это то, о чем в народе говорят: «Мелкая монета создает много шума в пустой бочке» [7, с. 238–239].

Мелкая монета, создающая шум в пустой бочке, – вот метафора *глупца*.

Итак, *глупец (невежда)* есть своего рода антигерой Талмуда. А вот в русской национальной традиции *глупец*, как кажется, – отнюдь не ключевая фигура. В русской национальной традиции принципиально важен *дурак*, но это часто человек очень умный, проницательностью и хитростью нередко превосходящий других.

Для расширения талмудического контекста приведем несколько изречений о мудрецах и глупцах, – о том, как по-разному они говорят и молчат, и о правилах поведения во время словесных дискуссий и, в частности, о том, когда необходимо не отвечать глупцу в ответ на поношения:

...И еще говорили: «Хорошо молчание для мудрецов, а о глупцах уж и говорить нечего», как сказано: «И глупца молчаливого за мудрого сочтут». И наоборот, человек многословный, стремящийся побыстрее высказаться по любому поводу, даже если он мудр – за глупца будет сочтен».

И еще написано: «Осторожный устами своими и языком своим душу от бед охранит, и если даже будут обращены к нему оскорбления и презрительные слова, – не ответит».

И еще сказал один мудрец сыну: «Единственный способ бороться с низким человеком – не отвечать ему. Так ты не только одержишь победу, но и обратишь против него его же оружие».

В Гемаре сказано: «Вавилонское молчание означает знатность» – если ты видел молчаливого или говорившего мало человека родом из Вавилонии, – знай, что он из хорошей семьи, знатного рода.

Говорили мудрецы: «Накопляй речения свои, подобно тому, как укрепляешь ты свое достояние».

И еще: «Чем меньше говорит человек, тем менее он ошибается».

В «Мидраш Шмуэль» разъясняется мишна 17: «и не нашел для тела (для себя) ничего лучше молчания» – то есть что касается потребностей тела, то ему полезно

молчание, – в противоположность духовной деятельности, направленной на изучение Торы...» [8, с. 56–57].

Вспомним стих 4 Главы 26 «Притч»: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему» [9, с. 877].

Следующий стих как будто прямо противоречит четвертому: «Но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих» [9, с. 877].

Что же сделал Пушкин? Он просто отбросил пятый стих Главы 26 Притч царя Соломона и взял за основу четвертый. Но ведь в божественном тексте никак могут соседствовать тексты, которые прямо противоречат друг другу. Не так ли? И соседство четвертого и пятого стихов явно намеренно: тут имеет место не ошибка, а продуманная тенденция.

В христианско-богословском комментарии к Притчам царя Соломона фиксируется глубокий авторский умысел в соположении стихов 4 и 5, и это совершенно справедливо. Но далее богослов пробует объяснить причину такого умысла, и это объяснение представляется автору статьи несостоятельным: «Кажущееся противоречие между этими двумя стихами – плод авторского умысла: здесь игра слов на двух значениях выражения “по глупости его”; в ст. 4 автор становится на точку зрения мудрого, а в ст. 5 на точку зрения глупца» [9, с. 1960].

Автор Притч, т. е. царь Соломон, никак не мог встать на точку зрения *глупца*. Тут дело не в позициях *мудрого* и *глупого*, а в принципиально разных ситуациях, требующих разного реагирования.

То, что не смогли сделать христианские богословы, сделали ученые мужи – персонажи Талмуда.

В трактате «Шаббат» (л. 30Б) дается исчерпывающий комментарий к 4 и 5 стихам 26 главы Притч царя Соломона: «Написано: “Не отвечай глупцу на глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему” (Притчи 26: 4); и так же написано: “Отвечай глупцу на глупости его, чтобы не казался он мудрым в глазах своих” (там же, 26: 5). Здесь нет противоречия. Одно дело – в мирских пререканиях, другое – в спорах о Торе» [10, с. 86].

В ответ на провокационно-издевательский вопрос *глупца (невежды)*, касающийся каких-либо лично-бытовых проблем, *мудрец* никак не реагирует, но этим ситуация не исчерпывается. К молитве, произнесенной про себя, *мудрец* добавляет некие словечки, что и является наказанием для *глупца* – так что молчание *мудреца* вовсе не означает, что *глупец* остается без наказания: вообще само молчание *мудреца* уже есть наказание:

В мирских делах глупцу отвечать не следует, чтобы не сделаться подобным ему.

Так, пришел некий человек к Рабби и сказал ему:

– Твоя жена – моя, и дети твои – мои.

Ответил Рабби:

– Не хочешь ли выпить чашу вина?

Тот выпил и лопнул.

Некий человек пришел к рабби Хие и сказал ему:

– Твоя мать – мне жена, а сам ты – мой сын.

Ответил рабби Хия:

– Не хочешь ли выпить чашу вина?

Тот выпил и лопнул.

Сказал рабби Хия (о случае с Рабби):

– Помогла Рабби его молитва о том, «чтобы его сыновей не считали незаконно-рожденными!» Ибо Рабби добавлял к молитве такие слова: «Да будет воля твоя, Господь, Бог Наш. Чтобы ныне избавить нас от наглецов и от наглости» [10, с. 86].

В мирских делах спорить с глупцом нет смысла, и это даже предосудительно, ибо бросает тень на мудреца, а вот в вопросах высшего порядка разоблачение глупца необходимо. Таков смысл положения «Спорь с глупцом» – «Не спорь с глупцом».

Вот современный комментарий к этому талмудическому положению:

Случаи, приведенные в этом фрагменте, объединяет тема, как следует поступать мудрецу, когда ему задают наглые или глупые вопросы. Он должен сдерживать гнев и проявлять максимальную терпимость, зная, когда лучше смолчать, а когда ответить соответственно уровню понимания задавшего вопрос. В двух первых историях спрашивающие = безумцы или люди, намеренно бросающие мудрецу вызов. Тогда правильнее не отвечать, предоставить ситуации разрядиться. Другое дело, когда ученик отпускает ироническое замечание по поводу сказанного наставником. Когда речь идет об изучении Торы, такое замечание не оставляют без ответа [10, с. 86].

Когда *глупец (невежда)*, нападает на Тору, задевает честь *мудреца*, толкующего Тору, тут уже *мудрец* не имеет права молчать, иначе пострадает честь самой Торы. Но, отвечая глупцу, мудрец не должен быть раздражительным и не может быть охвачен гневом. Наказывая глупца, мудрец должен проявлять не мстительность, но смирение; это и делает его победу полноценной и окончательной.

Вновь обращаемся к трактату «Шаббат» (л. 30Б), в котором до мельчайших деталей прописана антиномия «Не спорь с глупцом» – «Спорь с глупцом», в том числе точно проработано и то состояние, в котором должен находиться истинный мудрец, вступающий в единоборство с глупцом:

Учили наши наставники.

Пусть будет человек смиренным, как Гиллель, и не будет раздражительным, как Шаммай. Рассказ о двух побившихся об заклад.

Сказали:

– Кто сумеет разозлить Гиллеля, получит четыреста монет!

Решил один из них: «Разозлю его сегодня!» А дело было накануне субботы, и Гиллель мыл голову. Пошел этот человек к его дому и, проходя мимо дверей, закричал:

– Кто тут Гиллель? Кто тут Гиллель?

Облачился Гиллель, вышел к нему и спросил:

– В чем дело, сын мой?

– Есть у меня вопрос.

– Спрашивай, сын мой, спрашивай!

– Почему у вавилонян головы круглые?

– Хороший вопрос, сын мой. Потому что у них нет толковых повитух.

Удалился спорщик, подождал немного, вернулся и снова закричал:

– Кто тут Гиллель? Кто тут Гиллель?

Облачился Гиллель, вышел к нему и спросил:

– В чем дело, сын мой?

– Есть у меня вопрос.

– Спрашивай, сын мой, спрашивай.

– Почему у жителей Пальмиры глаза слезятся?

– Хороший вопрос, сын мой. Потому что живут они среди песков.

Удалился спорщик, подождал немного, вернулся и снова закричал:

– Кто тут Гиллель? Кто тут Гиллель?

Облачился Гиллель, вышел к нему и спросил:

– В чем дело, сын мой?

– Есть у меня вопрос.

– Спрашивай, сын мой, спрашивай.

– Почему у жителей Африки широкие стопы?

- Хороший вопрос, сын мой. Потому, что живут они среди болот.
- Есть у меня еще много вопросов, но боюсь, как бы не разозлился ты.
- Поправил Гиллель одежду, уселся поудобней пред ним и сказал:
- Все вопросы, какие только есть у тебя, задавай!
- Ты Гиллель, которого называют Князем Израиля?
- Да.
- Так поменьше бы подобных тебе в Израиле!
- Почему, сын мой?
- Потому, что из-за тебя лишился я четырехсот монет.
- Что ж, будь осмотрителен, ибо таков Гиллель: и четыреста монет потеряешь, и еще столько же, а разозлить его не сумеешь [10, с. 88–89].

И еще один эпизод все из той же книги «Шаббат»; он потом многократно перепечатывался в различных антологиях, но впервые был зафиксирован именно в ходе осмысления двух стихов из Притч царя Соломона – «Не отвечай глупцу» и «Отвечай глупцу»:

- Еще рассказ об иноверце, который пришел к Шаммаю. Сказал ему:
- Обрати меня с условием, что обучишь всей Торе, пока я буду стоять на одной ноге.
- Прогнал его Шаммай попавшимся под руку строительным метром. Пошел иноверец к Гиллелю, и тот обратил его, сказав:
- Что тебе ненавистно, того и ближнему не причиняй; в этом вся Тора, а остальное – пояснения. Иди и учись [11, с. 86].

Эти эпизоды из трактата «Шаббат», а вернее то обстоятельство, что все они были включены в этот трактат, раввин Адин Штейнзальц прокомментировал так:

- Смирность Гиллеля, не ответившего грубостью на глупые приставания ученика и язычников, упоминается только потому, что надо разъяснить противоречие в библейской книге притч [10, с. 85].

Обратим внимание: мудреца Гиллеля спрашивают с одной лишь целью – дабы оскорбить Тору, дабы поставить в уничижительное положение еврейскую мудрость, которую он представляет всем своим образом жизни. И именно поэтому перед Гиллелем даже не возникает выбора – он просто вынужден отвечать *глупцу* (*невежде*).

Мудрец при этом отстаивает вовсе не свою личную честь, а именно честь Тору, и именно ради этого он, споря с глупцом, и обязан вести себя соответствующим образом, без малейшей тени раздражения, предельно спокойно воспринимая агрессивное невежество собеседника. Если же мудрец, отвечая глупцу, раздражается или гневается, он наносит тем урон достоинству Тору, да и в каком-то смысле дискредитирует себя как мудреца, как человека, занятого изучением Закона и постоянно регулирующего все мысли свои и дела.

Гнев и раздражительность – проявления слабости. Подверженный им мудрец оказывается недостойным Тору, лишается ореола святости.

Мудрец должен поставить на место глупца, должен продемонстрировать неправоту его поведения и его позиции, не унижая глупца и не выходя из себя. Споря с глупцом, мудрец обязан помнить о достоинстве Тору, о котором он постоянно должен печься. Это следует из трактата «Шаббат», да и из всего Талмуда.

Талмудические комментаторы Притч царя Соломона очень точно не только разъяснили, когда можно и когда нельзя спорить с глупцом, но еще и показали, как и в каком именно тоне надо с ним спорить, если уже это стало неизбежным.

Приведем ряд талмудических контекстов, в которых запечатлена ситуация: будь это даже мудрец, в состоянии гнева во время словесной дискуссии он превращается в глупца:

Не будь вспыльчивым – не начинай сердиться легкомысленно быстро, ведь в состоянии гнева человек грешит и пренебрегает честью ближнего.

И еще говорили: «Всякий, кто сердится – мудрец ли – мудрость уходит от него. Пророк ли – пророчество уходит от него».

И еще говорили: «Всякий, кто сердится, вычеркивает из памяти все, им изученное, и добавляет глупость», как сказано: «Не спеши гневаться, ибо гнев покоится в сердце глупцов» [8, с. 92].

Да, гнев в Талмуде – прибежище глупцов. И как только мудрец опускается до гнева, он сам превращается в глупца, ибо мудрость в этот момент оставляет его.

Совет же «не спеши гневаться» весьма симптоматичен. А вот ответ, почему не надо спешить гневаться, можно найти в трактате «Псахим», при этом ответ дан от обратного: не то, чтобы Бог не любит гневающихся, а он любит не гневающихся: «Святой, благословен Он, любит: того, кто не гневается, того, кто не пьянствует, и того, кто не настаивает на своем» [10, с. 210].

Итак, гневливость исключается из поведения *мудреца* (занятый изучением Торы не имеет права на гнев), а вот *глупец* без гневливости немислим (Тора для него не священна, он думает лишь о своих амбициях).

И интересно, что тот, кто не гневается, стоит на первом месте, к кому Бог расположен. И это естественно, ведь Бог в первую очередь расположен к тем, кто занят изучением Торы.

Раввин Адин Штейнзальц отмечает в связи с вышеприведенным фрагментом: «Любви Всевышнего достоин тот, кто не гневается, даже когда есть причины для гнева» [10, с. 215].

Итак, в комментариях к пушкинскому «Памятнику» по сей день не учтены Притчи царя Соломона как один из источников его финала. Так, например, М. Гершензон в книге «Мудрость Пушкина», интерпретируя последнюю строку «Памятника», пишет, что поэт в бурной молодости своей оспаривал глупцов, а потом остепенился и решил больше не оспаривать их: «Пушкин в прежние годы не раз пытался “оспаривать глупца” относительно подлинной ценности искусства, – потому что только об этом об одном идет здесь речь; – теперь он признает эти попытки тщетными и ненужными; так строено высшей волею» [11, с. 63].

Сам же Пушкин, завершая «Памятник», не забыл о Священном Писании, но, прямо отослав читателя к Притчам царя Соломона, дословно процитировал лишь один из двух поставленных рядом стихов Священного писания, намеренно противоречащих друг другу.

В последней строке говорится, что глупца никогда не стоит оспаривать: «взглянул – и мимо», как писал Данте Алигьери.

Между тем, вывод царя Соломона был гораздо более диалектичен и гибок, он основывался на чутком учете ситуаций, на продуманном их различении.

Это только на поверхностный взгляд Соломон противоречил сам себе: он не ошибался и не путал, а исходил из особого рода релятивистской предпосылки, – своего рода «теории относительности».

В его речах была ясная логика, но она не всегда легко и сразу прочитывалась. Для ее уяснения требовалась интенсивная работа мысли, и при толкованиях надо помнить постоянно об этой теории относительности Соломона. Отнюдь не все

мудрецы это делали. Недаром в Талмуде приведены слова рава Танхума, обращенные к Соломону:

О, Шломо! Где твоя мудрость, где твой разум? Мало того, что слова твои расходятся со словами отца твоего Давида, но и сам себе ты противоречишь! Давид, отец твой, говорил: «Мертвые не восславят Господа» (Псалмы 115: 17). Ты же сначала сказал: «И восхвалил я мертвых, что уже скончались, более, чем живых, что еще здравствуют поныне» (Экклесиаст 4: 2), а потом заключил: «Ведь и псу живому лучше, чем мертвому льву» (там же, 9: 4) [10, с. 85].

Сказывалась эта теория относительности царя Соломона и в суждении о том, когда можно и когда нельзя спорить с глупцами.

Итак, бывают случаи, когда глупца просто неизбежно надо ставить на подобающее ему место. Бывают случаи, когда, если вовремя не одернуть глупца, не развенчать воинствующего невежду, ситуация может обернуться катастрофой.

И если для Пушкина роль сакрального текста имеет не Священное писание, а поэтическое творчество, то посягнувший на него глупец, если следовать диалектической логике царя Соломона и толкованиям мудрецов Талмуда, подлежит уничтожению, хотя бы моральному. Величие Торы (по Пушкину – величие поэтического слова) не может быть никем запятнано, ибо оно превыше всего! Посему и сказано в талмудическом трактате «Пиркей Авот» (Поучения Отцов): «Величие Торы выше священнослужения и царствования» [6, с. 172].

Отнесшийся к Торе без должного пиетета, а тем более нападающий на нее так или иначе понесет наказание. Вообще сама агрессия, направленная против сакрального текста, никоим образом не может быть оставлена без ответа. Таким образом, взятая из Притч царя Соломона формула «И не оспоривай глупца» явно выпадает из самой направленности пушкинского стихотворения-завещания, – если, конечно, исходить из логики царя Соломона.

В финале «Памятника» поэт утверждает: Муза, слушайся лишь Божьих повелений, не верь людским хвалам, не спорь с глупцом. Если верить царю Соломону и его талмудическим комментаторам, именно ради торжества божьих истин и надобно спорить с глупцом и наказывать его, показывать ему и всему миру, что он посягнул на то, на что не имел ни малейшего права посягать. Но поступать так следует именно для торжества божьих повелений; в мирских же делах спор с глупцом начисто исключен. И в любой ситуации не следует гневаться на глупца, показывая, что его речи возымели хоть малейшее действие.

Такова выработанная в трактате «Шаббат» суть программы поведенческих рекомендаций об отношениях *мудрецов* и *глупцов* (*невежд*) во время словесной дискуссии.

Приведем в заключение несколько разъяснений о том, как комментарий к Притчам царя Соломона попал в трактат «Шаббат». В Талмуде, как известно, фрагменты соединяются, стягиваются по трем разным принципам: по теме трактата, по именам мудрецов и по ассоциации.

Тема трактата «Шаббат» – субботние запреты. Казалось бы, прямой связи с Притчами царя Соломона нет. В комментарии к Притчам фигурируют разные мудрецы, иногда даже поименно и не названные. Тут сработал принцип *ассоциации*.

В Мишне (раздел Законов) 5–2 главы трактата сообщаются и оговариваются условия, при которых гасящий светильник в субботу наказывается, а затем называются условия, при которых он освобождается от наказания. Вот этот закон: «Погасивший светильник из страха перед чужезверцами, перед разбойниками, перед злым духом, и также если для того, чтобы больной заснул, – свободен от на-

казания; сделал это, жалея светильник, жалея масло, жалея фитиль, – подлежит наказанию» [12, с. 60].

Итак, некто погасил светильник в субботу, что строжайше запрещено. Но наказание не следует автоматически, в соответствии с буквой Закона. Выясняется ситуация: если погасивший светильник сделал это при появлении источника опасности для жизни (иноверец, разбойник, злой дух) или чтобы больной уснул, тогда он освобождается от наказания; если же погасивший светильник пожалел масло или фитиль, то он подлежит наказанию.

Да, совершается одно и то же деяние, но без учета стимулов, двигавших совершившим его, оно не может быть по-настоящему понято и осмыслено; более того, без учета стимулов оно может быть понято даже превратно.

Этот ход мысли как раз и заставил составителей трактата «Шаббат» обратиться к притчам царя Соломона и, в частности, к необходимости доказать, что совершенно законны и положение «Не отвечай глупцу» и положение «Отвечай глупцу».

Если бы не возникла необходимость в толковании закона о погасившем светильник в субботу, Книга притч царя Соломона могла бы оказаться здесь за пределами толкования и обсуждения.

Строки «Не отвечай глупому на глупости его» и «Но отвечай глупому на глупости его» в свое время смущали многих своей преднамеренной, внешней, открытой якобы противоречивостью в иудейской религиозно-академической среде.

Книгу притч царя Соломона даже собирались исключить из канона, пока мудрецы, составлявшие трактат Вавилонского Талмуда «Шаббат», не разобрались в истинных причинах противоречивости многих мест Книги притч. Раввин Адин Штейнзальц отметил в комментариях к трактату: «Оказывается, мудрецы собирались изъять эту книгу из канона, поскольку она противоречит сама себе» [10, с. 85]. В итоге Книга притч царя Соломона так и не была исключена из канона благодаря усилиям составителей трактата «Шаббат». После блистательно проведенных талмудических дискуссий стало совершенно очевидно, что есть ситуации, когда абсолютно верно положение «Не отвечай глупому на глупости его», и есть ситуации, когда верно положение «Но отвечай глупому на глупости его». За внешней противоречивостью Книги притч царя Соломона стояла осознанная, осмысленная стратегия. В мирских делах глупцу отвечать не следует, а в спорах о Торе (священном) следует это делать непременно, не делать этого даже преступно, так же преступно, как опускаться до уровня глупца, озабоченного лишь самовозвеличением, в житейских словопрениях. И опровергать глупца, вообще прислушиваться к нему, оказывается, можно, но лишь в особых случаях.

Оба положения оказались имеющими полное право на существование.

Современному филологу, конечно, вовсе не обязательно читать Талмуд, хотя именно с талмудических комментариев фактически и берет начало историко-филологическая критика текста. Так что в плане постижения предыстории гуманитарных наук, как мне кажется, такое чтение было бы полезным.

Пушкин создал в своем поэтическом завещании историко-культурный, межкультурный синтез: он соединил античную Музу с иудейской премудростью, и в целом это надо признать интереснейшим художественным экспериментом, который до сих пор не был замечен и оценен по достоинству.

Чьих божьих повелений должна слушаться Муза? Ну, конечно, поэт имел в виду не античные божества, а Всевышнего, единого Бога, который заповедал спорить и не спорить с глупцом.

И этот ветхозаветный аспект (литература Премудрости) крайне важен для понимания пушкинского «Памятника». Тора, как выше цитировалось, выше Царств-

ва, а в античном мире *поэтическое слово* никоим образом не превышало власть императора, и не могло превышать.

Последняя строка стихотворения по своему культурно-историческому колориту принципиально отличается от его общего античного настроения. Несомненно, Пушкин начал с модели Горация. А вот завершил отсылкой к царю Соломону и его Притчам. Таким образом, пушкинский «Памятник» гораздо шире и разнообразнее традиционно укоренившихся представлений о нем.

Уравновесить, а точнее дополнить Горация и Державина царем Соломоном – это был резкий и даже дерзкий ход, который, думается, весьма трудно было предугадать, когда начал разворачиваться текст, построенный как будто по модели римской оды. То была настоящая финальная пуанта. Чрезвычайно точно рассчитанный эстетический удар.

Ветхозаветный аспект крайне важен для понимания пушкинского «Памятника». Вяч. Вс. Иванов указал на связь «Памятника» с библейской традицией (не только с Ветхим, но и с Новым заветом) на уровне лексики – архаическое словопотребление:

Прямую цитату из церковнославянского библейского текста представляет собой сочетание «всяк... язык». Оно встречается и в Ветхом завете, и в Новом, в частности, в Откровении Иоанна (V, 9; VII, 9; XIII, 7; XIV, 6) и в повторяющемся перечислении «колена и языка, и народа, и племени» [13, с. 417].

Между тем, не только лексикон, но и смысловая связь финала «Памятника» с Ветхим заветом имеет принципиальное значение. В то же время уверенности в корректности указания на новозаветные источники нет. В пушкинском «Памятнике», несмотря на наличие оборота «всяк... язык», христианское смирение отсутствует, а вот нескрываемая гордыня и особое отношение к слову вполне ветхозаветны.

Тем более невозможно согласиться с Т. Г. Мальчуковой, которая нашла в последней строфе «Памятника» «отказ от горацианской идеи памятника и возврат к христианской скромности» [14, с. 98]. Для поэта мал земной памятник, в том числе и возведенный в честь императорских побед. Такое представление не вяжется с христианским смирением, как, впрочем, и с иерархией ценностей античного мира. В то время как идея *божественного слова*, которое выше *любого* царства, была в тот момент поэту особенно близка.

Последняя строка «Памятника», предельно сжатая и при этом необычайно энергичная, совершенно по-особому окрашивает весь текст стихотворения, придает ему неожиданные смыслы и определяет новый культурный ориентир – иудейскую литературу Премудрости, одним из ярчайших выражений которой является Книга притч царя Соломона.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836.
2. Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература / Отв. ред. Г. П. Макогоненко, С. А. Фомичев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 5–265.
3. Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» (1923) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков, сост. Е. М. Иссерлина, Н. И. Николаева; вступ. ст., подгот.

текста и примеч. Н. И. Николаева. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 197–209. (Язык. Семиотика. Культура)

4. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.

5. *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство, 1998.

6. Пиркей Авот. Поучение Отцов / Современ. коммент. раввина Р. П. Булка. М.; Иерусалим: Даат – Знание, 2001.

7. Вавилонский Талмуд. Трактат Бава Меция. Первая глава: Комментированное издание раввина Адина Эвен-Израэль (Штейнзальца) / Пер. и ред. З. Мешкова. М.: Российский Научный центр «Курчатовский институт», 1995.

8. Трактат Авот: С комментариями / Коммент. П. Кегати; пер. П. Криксунов; ред. Г. Брановер. Иерусалим: Шамир, 1984.

9. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. 4-е изд. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.

10. Вавилонский Талмуд. Антология Аггады / С толкованиями раввина Адина Эвен-Израэль (Штейнзальца); пер. и коммент. У. Гершовича, А. Ковельмана; под общ. ред. Адина Эвен-Израэля (Штейнзальца), С. С. Аверинцева. М.; Иерусалим: Институт изучения иудаизма в СНГ [и др.], 2001. Т. 1.

11. *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М.: Тип. Товарищества «Книгоиздательство Писателей в Москве», 1919.

12. Мишна: Трактат Шабат / авт. примеч. П. Кегати; пер. с иврита Й. Векслер. Иерусалим: Амана, 2003.

13. *Иванов Вяч. Вс.* К исследованию архаизмов в «Памятнике» Пушкина // Лотмановский сборник / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М.: Гарант, 1995. Вып. 1. С. 413–419.

14. *Мальчукова Т. Г.* О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820-х – 1830-х годов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, символ, жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1994. С. 84–131.

E. Ya. Kurganov

Paris, France

**ABOUT THE LAST LINE OF PUSHKIN'S «MONUMENT»:
A. S. PUSHKIN AND KING SOLOMON**

The article is devoted to justification of the hypothesis of the author about the source of the last lines of the poem of A. S. Pushkin «I have erected a monument...». The story about arguing with a fool goes back to the Book of Proverbs of king Solomon and the Talmud. The last line is a «Monument» colors the entire text of the poem unexpected meanings and determines the rotation from antiquity to the modern cultural guide to Jewish Wisdom literature, one of the clearest expressions of which is the Book of Proverbs of king Solomon.

Keywords: Bible, Judaism, The Old Testament, Book of Proverbs of king Solomon, Pushkin, the Talmud.

Kurganov Efim Ya. – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Russian Literature at the University of Helsinki (20 rue du Commandant Mouchotte, 94160 St. Mandé, Paris, France, abulafia@list.ru)